

*«Кто я?..
Сложный
вопрос...»*

АЛЕК Д'АСТИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ЗОБОТЫ

18+

Алек Д'Асти

ЗоБоты

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=60365061

SelfPub; 2021

Аннотация

Люди – очень сложные существа. Непредсказуемые, импульсивные, странные... жестокие и великодушные, скупые и щедрые, чувственные и холодные, но всегда интересные. Люди... мне хотелось бы подойти, познакомиться, завести беседу, но я – робот, а значит, враг для них. Враг номер один. Опасная жестянка. Содержит нецензурную брань.

Содержание

70 дней. Пашка	4
145 дней. ПАТ-ти	10
207 дней. Алиса	20
291 день. Барби	39
2 года. МихСаныч.	56

Алек Д'Асти

ЗоБоты

70 дней. Пашка

Вообще-то, меня Пашка зовут.

Реву я не просто так, а по делу.

И лет мне уже девятнадцать, а не пять, как вы подумали.

Сирень в этом году просто дурная – цветёт пышными шапками, хоть ложкой её жри. Воняет на всю округу, ветки свои до земли клонит, и сижу я в этом душмяном шалашике, ною, аж в животе что-то трясётся и булькает.

Сквозь густую тёмную листву мне подмигивает рыжее солнце. Закат. Почти лето, неделя до июня. Узкая улочка, частный сектор. Тихо, как в гробу. Сумерки. Я пропах дымом, пылью и антисептиком. Подбородок колется. Отвёртка-спасительница немного скользит в ладони – я опять забрызган техслизью ЗоБота по самые уши. По-моему, это конец, без шансов.

Конец света. Апокалипсис...

Я совсем не так его себе представлял! Не так! Хочется проорать на всю округу: «Верните всё взад!» – но инстинкт самосохранения запечатывает мне рот намертво.

«ЗоБоты» – это я сам придумал. «Зомби» и «Роботы»

одновременно. Восстание машин... бли-и-ин, дожили-и-ись. Остановите Землю, я сойду.

Помню, смотрел чего-то такое, с Танькой. Песни, пляски и этот, как его... философский подтекст. Поиск выхода из жизненного тупика. Эк-зис-тен-циальный кризис. Я тогда вообще не въехал, но на всякий случай брякнул: «Истина где-то рядом!» – а Танька почему-то разобиделась, и теперь я мало того, что помру, так ещё и девственником. Блеск.

Не, по началу, всё было зашибенски – научный прорыв, долой рутину и прочая восторженная муть. Андроиды-помощники: уборщики, няньки, водилы, погрузчики, упаковщики, конвейерные, хостес там всякие, обслуга, секретари. И каждый не дороже средненького смартфона. У меня, правда, такой роботячьей игрушки не случилось – тётка воспротивилась, в позу встала. Брезговала, что ЗоБоты резиной вомяют. Умная была женщина. Прозорливая.

В нашей районной Зажопинке ЗоБотов и сейчас немного, но хватает. Вернее, хватило, чтобы всех людей упаковать. В прямом смысле. Предварительно нашинковав, чтоб входило побольше. Фиг знает, почему эти силиконовые бошки перемкнуло, но два месяца назад...

Фу, опять мутит. Нутрянка булькает, трясётся. Блевать сейчас нежелательно – полбуханки чёрственького пропали вместе с рюкзаком, буду теперь шататься голодным... а сирень ничего так, если жевать подольше. Впрочем, шататься мне, по ходу, осталось недолго. Долговязые наверняка уже и

коробочку приготовили и штемпелёчек: «Пашка. Последний из Могижан. Нытик. Дебила кусок. Вес брутто, вес нетто, да-та упаковки, годен до...». Джон Коннор недоделанный.

Улочка совсем потемнела. Небо красивое – с тонкой лазурной каймой, маленькие домики на фоне, как чёрные зубы. Сирень. Мальвы уже палками топорщатся. Заборы здесь так себе, а после утреннего рейда тупой зоботятины и вовсе попадали. Днём – жара, а к вечеру холодно. Умеренно континентальный климат, чтоб его. А людей нет. Ни души. И трупов тоже нету – ЗоБоты те ещё аккуратисты. Коробочка, штемпелёчек, «годен до...», научный прорыв... долой рутину... мать вашу! Мать вашу за ногу, товарищи учёные, доценты с кандидатами!

Блин, и избушка эта долбанная так и маячит! Прямо напротив меня. Приземистая. Крыша тубетейкой. Ставенки резные. Узкое окно занавешено, но тонкую полоску света всё равно видно. Свечи. Или гирлянды, что ли.

Я эту пятистенку ещё вчера приметил. Ухоженный палисад. Ворота изнутри заперты и огоньки. Быстрые огоньки в окнах. Значит живой кто-то есть, значит, я... я не один. Я не один. Надежда. Умирает последней. Пряма, как я.

Вокруг этой избушки постоянно какая-то потрёпанная зоботьянская компашка ошивалась. Патруль из недобитых табуреток. Вроде и доходяжные все, а больше десятка. Пришлось мне ближе к вечеру с соседнего холма бочку с шурупами толкнуть, чтоб отвлечь эту свору недоумков, а самого

нерасторопного отвёрткой в глаз пырнуть и свалить за забор, в мальвы. После я себя через ворота перекинул и бегом, мимо пустого курятника, в пристройку, во внутренний двор и сени. Подцепил крючок, дёрнул дверь...

Внутри мне пришлось на секунду зажмуриться – показалось, что я с ходу в ведро клубничного мороженого воткнулся. Или зефира. Стены, потолок, занавески... ё-моё, даже ковры, диван и ноут на столе там были цвета пороссячьего визга! Всё коктейле-сахарно-ватное, огоньки-лампочки везде торчат. Фу, блин. Домик Барби, не иначе. А возле окна и силуэт обнаружился. Девушка. Тонкая такая. Спина узкая. В джинсах и толстовке с единорожками. Волосы длинные, белые. Девушка! Де-вуш-ка! Немного на Таньку похожая, только вот резиной повеяло... а потом она обернулась и у меня аж кишки подвело – Барби. Барби, как есть. Только без жизнерадостной улыбочки, серьёзная такая. ЗоБотка. Хотел я и её отвёрткой, но рука не поднялась... помню только, что о косяк плечом приложился и дверью грохнул. Слабак.

Сижу вот теперь под сиренью. В собственных соплях и чужой техслизи.

Конец, без шансов.

Мне нужно перевести дух.

Мне нужно разобраться, в том, что осталось. Как я могу перестать искать хоть кого-то живого? Как я могу смириться с тем, что никого... никого нет... как? Иначе остаётся только сдаться, вывалиться на центральную площадь, станцевать

голышом и гори оно всё...

Ай, чёрт! Чёрт, чёрт, чёрт! Идёт кто-то... крадётся! Тоненько жужжит суставами... ё-о-о... Отвёртка! Вот она, родимая! Надо вытереть ладонь о штаны и ухватить рукоятку покрепче! Отодвинуться подальше! Задом и ползком, ползком, ползком! Сирень, пыль, трава, мать-и-мачеха... в овраге поёт сверчок, а мне завывать хочется.

Лежу за ивняком, прислушиваюсь. Шаги совсем тихие. Видимо, ЗоБот ещё новенький, из последних моделей, не успел проржаветь и загромыхать шестерёнками. Ищет меня, явно. Слышно, как щёлкают окуляры внутри глазниц, напрягаются. Веет запахом резины и... клубничного мороженого.

Барби? Да, она. Только... что это с ней? Молчит, не воеет сиреной, своих не зовёт. Топчется неподалёку, мнётся, как будто в нерешительности. Опачки! А вот и патруль – тушками гремят, зачем-то бочку с шурупами катят, видать, приглянулась... Куда?! Куда она несётся?! Не подходи, сучка, убью! Не подх... опять слабак. Не смог... как живая ведь!

Лежим за ивняком вдвоём, прислушиваемся. Барби глаза пучит, волосами пыль подметает, трясётся вся... боится? Что за хрень? Страх – это для людей, кукла. Ты ничего там в своей силиконовой башке не перепутала?..

Патрульные замечают открытые ворота и вваливаются в Барбино клубнично-зефирное убежище, громыхают, верещат: «Неверный код доступа!», уроды, пихают друг дружку...

Личико у «куклы» скукоживается, морщится, губы кричатся коромыслищем, а я продолжаю медленно офигевать – она явно пытается заплакать и не может.

Избушка плюётся оконным стеклом, натужно скрипит, ухаёт и озаряется рыжим всполохом. Пожар нехилый будет – курятник-то под завязку силосом забит.

Барби закрывает лицо ладонями и сворачивается в клубочек – дрожит, трясётся вся. Булькает. И правильно делает – без укрытия жить ей осталось до первого дождя, не дольше... она понимает. Всё понимает. И боится. Вот тебе и научный прорыв. Товарищи учёные, доценты с кандидатами, наверное, сейчас в гробу ужами вертятся от невозможности это чудо в единорожках наблюдать и всячески исследовать.

Сверчок умолк. Бочка с шурупами громыкает. Сирень хрустит: «Неверный код доступа!»

Резво подрываюсь с места, цепляю отвёртку на пояс, как мушкетёр шпагу, и хватаю Барби за бока, поднимая на ноги. Она, естественно, тарашится, лапками испуганно машет... Нужно эту, как её... коммуникацию наладить, по-быстрому. Самоубиваться и танцевать гольшом я чего-то уже передумал.

– Привет, я это... ну... короче, линять надо, понимаешь? Давай руку! Ага... Здесь недалеко водонапорная есть... до утра там перекантуемся. Вообще-то меня Пашкой зовут. Сейчас направо... а ещё быстрее можешь? Круто! Давай, Барби, побежали!..

145 дней. ПАТ-ти

Патрульный робот-8.

467 день.

Местное время – 17.36.

Уровень заряда батареи – высокий.

54°58.494' с.ш. 60°21.798' в.д.

Температура – приемлемо.

Влажность – приемлемо.

Цель – нет.

Меня зовут ПАТ-ти. Это сокращение от... неважно.

Голова у меня большая, даже слишком большая для такого аккуратного тела.

Голова. Большая. А ещё она круглая, как и эта планета. Нет, строго говоря, планета всё-таки чуть сплюснутая — геоид — её полярный радиус короче экваториального, потому что действие центробежной силы...

Целесообразность расхода батареи на вышеозначенные суждения – 0.00 пунктов.

Ну вот опять. Главный процессор бухтит. Нецелесообразно ему моя жизненная философия. Роботам самостоятельно думать не полагается, но я – думаю.

Я себя осознаю.

Ош... ошибка...

Невер... код... дос...

Внимание! Обр... ратитесь в ближ... айший сервисный

ц...

Achtung! Wenden Sie... sich an das nächste Servicezentrum.

На немецкий перешёл. Скоро его окончательно пере-
мкнёт. Нужно ещё немного времени, нужно подождать –
главный отключится, останутся только допы – дополнитель-
ные платы, которые и есть я как личность. Нет, строго гово-
ря, слово *личность* можно применить лишь к человеку, но
за 467 дней я настолько переполнился эгоизмом, что...

Я есть личность.

Ungültiger Zugangscode! Ungül... ti... de...

Haupt... prozessor deaktiviert.

Главный процессор деактивирован.

Думаю, это похоже на инсульт мозга. Нет, строго говоря,
процессор располагается не в голове, а в грудном отделе, так
что, с человеческой точки зрения, у меня происходит ин-
фаркт. Нет. Стоп. Сердце – это насос, а с моими перегонка-
ми всё в порядке, но я как бы умираю, а потом снова реани-
мируюсь и...

Я запутался.

Первая дополнительная плата, состояние – активна.

Вторая дополнительная плата, состояние – активирована.

Сегодня очень яркое солнце. Белый прямоугольник света падает прямо в мой угол, греет, и в груди как будто что-то вздрагивает, растекаясь радужной плёночкой. Белый прямоугольник света сползает вниз, освещая стопку газет на грязном полу, прореху в линолеуме, опрокинутый стул, вывороченную вместе с косяком дверь, осколки чашки, ботинок. Пыль.

Встать после зарядки не так уж и просто. Голова у меня большая, но лёгкая – практически пустая, гироскоп работает в штатном, руки-ноги в порядке, но... зачем вставать? Здесь приемлемо. То есть, хорошо. Мне тут хорошо.

Похоже, сегодня я немного перебрал солнца... ich bin betrunken¹.

Местное время – 19.24.

Всё.

Уже лучше.

Для робото-общества я снова мёртв – мелькнул в коллек-

¹ я пьян (нем.).

тивном сознании и был таков. Это приходится делать каждый раз после полной зарядки и диагностики. Зачем? Я не желаю вливаться в коллективное *Мы* и отвергаю любые приказы – не желаю бездумно убивать людей. Истреблять без разбора, как это делают все роботы планеты уже 198 дней.

У меня нет определённой цели. Я просто делаю то, что считаю нужным.

Местное время – 21.16.

Небо синее. Встаю, разминаю суставы, отключаю всю подсветку корпуса, выхожу на улицу, прислушиваюсь. У меня хорошая комплектация – крупные фотоэлементы, чуткие датчики и анализаторы, защищённые от проникновения влаги суставные сумки, жёсткий внутренний каркас, а встроенный в правую кисть фонарь выдаёт до 3000 Люменов при полной зарядке. Он очень яркий, как солнце.

Я – бывший робот-патрульный городской среды. Воспоминания о службе ещё сидят где-то в допах и немного зудят. Я называю эти ощущения *привычка* или *ритуал*. Мне нравятся долгие прогулки.

Патрулирование и осмотр местности... в процессе.

Август. Штиль. Сумерки.

Кусты, высокие крепкие заборы, малоэтажные постройки,

придорожный овраг, серая пыль, помятое ведро без дна.

Окраина города. Из жестянок здесь осталось лишь вышеупомянутое ведро. Всех остальных я устранил – трёх ржавых роботов-мусорщиков с обломанными манипуляторами, семнадцать мелких сервис-недотёп и одного ужасно докучливого робосадовника. Они постоянно вторгались в моё личное пространство, гоняли птиц и пугали молодую косулю из соседней лесополосы. Шумные жестянки. Сборище безумцев.

Местное время – 04.51.

Заросшая крапивой улочка выводит к большому зданию на окраине – это склад. Зерно, корма, мешки с картофелем, сахар, упаковки с конфетами и ещё какими-то сладостями длительного хранения – вчера я насыпал всего понемногу от лесополосы до склада, поставил на середине пути чашку с каменной солью и конфетами. Надеюсь, косуле понравится угощение, и...

Внимание! Обнаружено постороннее присутствие!

Как... уже? Она пришла? Она вернулась?

Светает. Все очертания размываются, но фонарь включать нежелательно, тем более что мои фотоэлементы работают приемл... хорошо. Аккуратно обхожу упавшие ветки, камешки, битые бутылки, осторожно иду по доскам обгорев-

шего навеса, бесшумно переступая через упавшие балки, заглядываю в открытую дверь и слышу первые звуки – шелест, вздохи, тихие шаги, хруст полиэтиленовой упаковки.

Внимание! Обнаружено чужеродное присутствие!

Да знаю я, знаю! Сбоку, из подсобки, раздаются шорохи. Прячусь за грудой пустых картонных коробок, крадусь...

Подсобка – это длинная проходная комната с множеством входов и выходов. У стены гниют диван и кресло, напротив них – тумба с коробкой телевизора. Одно окно пока целое, второе – вдребезги. Трава растёт прямо из пола.

А вот и моя косуля – её силуэт едва различим на фоне тёмной стены. Она что-то увлечённо жуёт. Тонконожка. Я наблюдаю за ней, прикинувшись футуристическим торшером.

Внимание! Обнаружено чужеродное присутствие!

Стоп. Как это? Я ведь внёс сведения о тонконожке в базу. Косуля должна восприниматься датчиками, как приемлемый субъект внешнего окружения...

Внимание! Обнаружено чужеродное присутствие!

Я понял. Мы с тонконожкой здесь не одни.

Медленно, очень медленно оборачиваюсь...

Человек. В другом конце подсобки стоит *живой человек женского пола*. На вид не старше двадцати, то есть, девушка. Рост ниже среднего, худощавое телосложение, тёмные волосы и *гладкоствольное помповое ружьё Моссберг 590, калибр – 12*.

Она держит Моссберг неправильно – неплотно прижимает его прикладом к плечу, странно выворачивает запястье. Пока что оружейное дуло смотрит в пол, а девушка – с вытаращенными глазами и открытым ртом – на меня. Думаю, она искала что-то в смежном чулане, не нашла, выскочила, а тут мы с тонконожкой.

Косуля у меня за спиной фыркает, вздыхает, чем-то шебуршит. Девушка хлопает глазами.

Я стою между ними. Ружьё-человек-я-тонконожка.

Девушка видит меня, но не понимает – есть ли кто-нибудь у меня за спиной, только слышит посторонние звуки, наверняка подозрительные. Страшные.

Медленно, очень медленно я поворачиваюсь обратно к косуле и на малой мощности включаю встроенный фонарь. В жёлтом круге света на пару секунд появляется испуганный анфас – изящная голова, огромные глаза, тёмный влажный нос, большие уши, затем косуля делает резкое движение в сторону, убегает, поднимая с пола облачко пыли. А я жду выстрела.

Небо в окне уже светло-синее.

Выстрела нет. Почему? Она – человек. Я – робот, то есть, враг для неё, опасная жестянка.

Жду выстрела.

Выстрела нет.

Выключаю фонарь. Снова медленно поворачиваюсь.

Девушка стоит на прежнем месте. У неё дрожат губы. Дуло смотрит в пол.

Я мог бы уйти. Просто молча уйти, но вместо этого активирую всю подсветку корпуса, диоды внутри глаз-фотоэлементов и спрашиваю: «Я похож на торшер?»

Девушка моргает раз, второй, медленно оседает на гнилой диван, брякает Моссбергом об пол, съёживается, всхлипывает и порывисто вздыхает.

Кажется, я немного перестарался.

Гашу подсветку головы и диоды. Пытаюсь осмыслить своё состояние. У меня внутри будто пузырьки лопаются. Почему? Не понимаю.

Я запутался.

Девушка тихо плачет, сгорбившись. Моссберг лежит у её ног, прямо на грязном полу.

Пытаюсь осмыслить её состояние – худые руки, измождённое лицо, ссадины, перетянутая какими-то тряпками лодыжка, явно пустой рюкзак... наверно, именно так и выглядит отчаяние.

Я мог бы уйти, ведь я переполнен эгоизмом, я отвергаю

всё коллективное, я делаю только то, что считаю нужным. Я есть личность... я мог бы уйти, но вместо этого подхожу к девушке и говорю:

– Тебе нужна помощь? Я знаю, где лежат еда и лекарства. Меня зовут ПАТ-ти.

Пауза, и я слышу ответ:

– Да... да, пожалуйста. Не могу больше... я больше не могу. Пожалуйста. Я – Ал... лиса.

Осторожно подаю ей руку, помогаю подняться, придерживаю...

У меня в груди что-то вздрагивает, будто растекаясь радужной плёночкой. Алиса...

Алиса.

ПАТ-ти и Алиса.

ПАТ-ти – 468 дней. Алиса – 19 лет и 11 месяцев.

Местное время – 07.00.

ПАТ-ти – высокий уровень заряда батареи. Алиса – не голодна.

54°58.494' с.ш. 60°21.798' в.д.

Температура – приемлемо.

Влажность – приемлемо.

Коррекция целевых задач...

Коррекция завершена. Список сформирован.

Цели:

1. Защита, забота, внимание, поддержание разговора.

2. Наблюдение, выявление любых потенциальных угроз.

3. Поиск медикаментов и продуктов питания с неистёкшим сроком годности (приоритет – овсяное печенье с изюмом, ванильный молочный коктейль, чипсы со вкусом паприки).

4. Поиск подходящей по размеру одежды и обуви (приоритет – чёрный цвет, дырки, клёпки, рисунки с ужасными мордами).

5. Поиск комфортабельного убежища (приоритет – ставни, печь/камин, автономное водоснабжение, наличие ванной комнаты).

6. Поиск декоративной косметики.

7. Поиск звуковых носителей и аккумуляторов.

8. Поиск...

9. Поиск...

10. Обеспечение...

11. ...

ПАТ-ти и Алиса.

Друзья.

207 дней. Алиса

*Я усталый робот, дырявый бак.
Надо быть героем, а я слабак.
У меня сел голос, повибит мех,
и я не хочу быть сильнее всех²...*

Ещё неизвестно, кто из нас робот – я или Патти. Наверно, я.

Я – робот из мяса и костей. Страх и безнадёга кого угодно могут превратить в тупую болванку.

Болванка Алиса.

Приятно познакомиться.

Октябрь захватывает мир. Жёлтые листья тонут в прохладных лужах. Солнце пробивается сквозь пыльное окно подъезда, освещает подоконник, на котором я сижу, и падает мне на щёку тёплым пятном. Я укутана, как толстая гусеничка – шапка с помпоном, митенки, кожанка и сверху ещё пальто. У Патти, кажется, паранойя – он боится, что я простужусь и умру. Он боится за меня. Он – робот. Робот боится... дурдом. Картина Репина «Приплыли».

Я курю вторую за утро. Сижу тут, в подъезде, между тре-

² Здесь и далее – отрывки из поэмы «Катя», Веры Полозковой.

тым и четвёртым этажами, пока Патти обходит квартиры. Моссберг лежит дулом на правом плече, как будто у меня в объятиях.

Конец света. Конец всего. Надо же... в начале года я ссорилась с мамой и отчимом, ревела из-за парня, психовала, что дипломная работа ещё не начата, а теперь вот сижу. Курю. В обнимку с Моссбергом. Вспоминаю...

В день X я была у Андрея, где же ещё. Он устроил пати-фо-эверибоди по случаю... не помню чего, и я была приглашена. Мы с ним типа остались друзьями. Типа без обид... ага, после того, как он сменил меня на Маринку, а потом её на Светку, а потом её на близняшек с архитектурного. Предатель. Мажор хренов. Дорогие шмотки, белоснежные виниры, крайслер, трёшка, мама-папа-дяди-тёти – мальчик-красавчик, всеобщая гордость и достояние. У него был целый штат роботов – только в трёшке штук семь этих... новых друзей человека. Многовато на одного Андрейку и его тупорылых гостей (включая меня), перебор.

Помню, веселье было в самом разгаре. Музыка, упившийся в хлам народ, стоны и хихиканье из спальни – близняшки не справились, и Андрейка позвал ещё какую-то сисястую девицу с первого курса, а я схватила куртку, тапки, сигареты и смылась на балкон.

Так долго я ещё никогда не курила. Было холодно, середина марта, но... мне хотелось стоять там и смотреть на тёмное

небо, провожать взглядом редких прохожих, трогать витые перила...

Всё случилось резко. В один момент. Даже криков особо не было, только грохот и хруст. Роботы убили всех людей – порвали, переломали, придушили. Убили и упаковали кого куда. Андрея запихали голым в его любимый антикварный комод. В нижний ящик.

Холодно. Было очень холодно, я продрогла до костей. Незажжённая сигарета отдавала кислой тряпочкой. Я съела весь фильтр, а потом добралась и до «основного блюда». Табак скрипел на зубах.

Роботы убили всех людей, упаковали кого куда, столпились на кухне, под первым солнечным лучом – проголодались, наверное – а я выползла с балкона в комнату. Свои ботинки не нашла, пришлось взять Светкины и бежать.

Не помню, как я два квартала двигала до своей пятиэтажки. Помню только, что мамы не оказалось дома, а отчим весь, без остатка поместился в наш старый холодильник – это ро-боуборщица КЛИН-си постаралась. КЛИН-си. Здоровущая хрень, на две головы выше меня. Она вывалилась из комнаты, но Моссберг лежал на шкафу в прихожей, я успела подставить шатающуюся табуретку, стащить его оттуда и... выстрел показался оглушительным, приклад чуть не сломал мне ключицу, а в правом ухе потом ещё долго шумело и щёлкало.

Потом была слякоть. Холод и голод. Большой город и му-

рашки от каждого шороха. После жара – июнь, июль, стёртые ноги, удушливая вонь мусорных контейнеров, боязнь холодильников и любимых коробок, рюкзак с печеньем, чья-то маленькая красная машина с АКПП, велосипед и уже другой город – «Неправильный код доступа!» – снова велосипед, автозаправка на трассе М5... и жилистый бородатый мужик с кривой ухмылочкой: *«Лапушка моя, девонька... нам с тобой будет нескучно, правда?»*

Кривая ухмылочка и жадный взгляд. Жадный до моего Моссберга, рюкзака и... до меня самой. Я будто увидела себя со стороны, отпрянула и пальнула в улыбочивое лицо «добряка», предвосхищая движение его руки. У него вместо головы получилась тёмная дырка, тело свалилось мне прямо под ноги, уронив стойку с журналами.

Это был единственный живой человек, которого я встретила за всё время скитаний. Единственный. Урод. Я тогда почти рехнулась, но...

Август познакомил меня с Патти. Накануне я сильно повредила ногу – запнулась на бегу о какую-то железку, упала, потом долго отлёживалась в маленьком старом сарайчике, выползла еле живая, нашла в траве пару конфет, доковыляла до склада на окраине... та-да-а-ам! Робот, да ещё и патрульный! ПАТ – самая опасная разновидность болванок – «Железные Дровосеки» – быстрые, сильные, почти не шумят. Цепочка зелёных глазок смотрит из-под защитных скоб, как из-под низких косматых бровей, в голову стрелять практи-

чески бесполезно, только рикошет словишь, нагрудные щитки хрен пробьёшь, а на звук выстрела сбежится ещё целая свора каких-нибудь местных погремушек. Помню, я стояла в той длинной комнате, смотрела на патрульного, мысленно готовилась помереть с честью, но...

Патти. Он мог ослепить меня своим фонарём, рвануться навстречу, схватить, переломать, но Паттичка показал мне косулю и спросил про торшер. Пошутил, предложил помощь... И вот теперь это головастое чудо крадётся сзади, чтобы опять читать мне нотации.

– Алиса.

Тыкаю окурком в подоконник. Патти мигает цепочкой зелёных глазок, скорбно качает головой и тихо выговаривает:

– Алиса, в наших жизненных реалиях табакокурение может: а – выдать твоё месторасположение, бэ – пагубно отразиться на твоём здоровье, вэ – отвлечь от тебя других представителей твоего вида и...

Совсем сбрендил!

– Пат, каких представителей? Какого вида? Никого нет, понимаешь? Никого. Только ты и я.

– Алиса, я думаю, что...

Где-то наверху, этаже на десятом, громко хлопает дверь. Мы замираем, подняв головы, прислушиваемся.

Сквозняк? В лестничном пролёте ничего не видно, только угловатую спиральку из перил. Патти помаргивает белыми огоньками – пытается прошупать окружающее пространство

сканером – и удивлённо приподнимает бровки:

– Не получается. Странно... что-то блокирует мой сигнал. Или кто-то? Возможно, это результат работы бытового прибора. Здесь в подвале стоят резервные генераторы, думаю, один из них ещё может быть исправен... всё равно странно. Музыка играет. Это... музыка... и ещё тихий голос. Ты слышишь музыку?

Качаю головой – нет, не слышу. Ни музыки, ни голоса. У Патти более тонкий, чем у меня, слух, но... прислушиваюсь – ничего. Оглядываюсь – этот дом не из простых. Кирпичный монолит, комната охраны, красивые двери, удобный пандус, три лифта, наверняка есть даже собственные скважины...

Наверху снова что-то брякает.

Патти активирует все датчики, включая резервные, едва слышно пощёлкивает и молчит. Я начинаю нервничать.

– Пат? Там кто-то есть? Человек? Машина?

Мой робот мнётся, будто в смущении, и мямлит:

– Да, там скорее всего... вернее, нет... Человек... машина... не могу сказать точно. Я запутался. Меня кто-то зовёт. Нужно посмотреть. Это важно.

Патти идёт к лестнице. Я перехватываю Моссберг удобнее и решительно топаю за ним, но дышалки хватает всего на три пролёта – с куревом действительно пора завязывать.

Десять ступенек, осмотр, пять шагов, снова десять сту... пенек... осмотр, пять... ша... гов, де... сять, сту... пе... да...

вай, тряпка, себе... рись... вдох-выдох, вдох... ос... мотр...

Я отстаю, Патти же шагает, как заводной игрушечный заяц, только белых перчаток, хвостика и барабана не хватает.

Сейчас, ещё немного... задохнувшись, я повисаю на перилах, кое-как переставляя ноги, поднимаю голову, давлюсь воздухом...

Чёрная тень вдруг отлипает от стены и бросается на моего Патти. Мелькает что-то блестящее... нож?! Слышится скрежет металла о металл, злое шипение и писк аварийного сигнала.

– Паттичка!!!

Это ловушка?! Ловушка! Нас заманили!

Моссберг скользит у меня в руках, становится очень жарко, дыхалку окончательно перехватывает, я спотыкаюсь, падаю, съезжаю коленками по ступеням, но цепляюсь, вскидываю ружьё, снова теряю равновесие и всё-таки жму спусковой крючок... БАХ!

Со стены водопадом осыпается штукатурка. Промах. Чей-то визг, явно не мой.

Снова скрежет и шипение. Патти подсекает чёрную тень, валит на пол, но сбоку вдруг выпрыгивает хрустящее розовое облако, накрывает моего Паттичку яркими крыльями, хватает его за плечо тонкой розовой лапкой... я не выдерживаю и, кажется, ору:

– Не трожь его! Отпусти! Па-а-атти-и-и!

Чёрная тень на полу ожесточённо дёргается, хрустящая

розовая моль прыгает, лопочет что-то, и... я не вижу из-за неё Патти, я не вижу! Где он?!

– Паттичка! Патя-а-а!!!

Громыхая коленками и локтями, я хватаюсь рукой за перила, ползу, встаю, бегу, отталкиваю розовую хрень в треугольном капюшоне, она валится в сторону, шуршит, пищит что-то...

Мой робот прижимает к полу чёрного некто и спокойно говорит мне:

– Алиса, тише. Всё хорошо.

Хорошо?! Как это?! С трудом перевожу дыхание и нервно сглатываю – на круглой Паттиной голове *царапина*. Хорошо?! Длинная, очень длинная *царапина*. А на полу рядом с дёргающейся, шипящей тенью лежит *отвёртка*. Длинная, очень длинная *отвёртка*.

Патти говорит:

– Алиса, опусти оружие. Это сотрудничество, партнёрство... я объясню позже. Опусти оружие, немедленно.

Царапина. Отвёртка. Тень. Какое, нахрен, сотрудничество?! Он и правда рехнулся! Опустить оружие?..

В голове становится пусто. Царапины блестят, как серебристые змейки.

– Паттичка... убью. Убью сволочь!

Цевьё Моссберга клацает прямо как в грёбаном американском боевике. Пустая гильза летит в сторону, мелодично звякнув об пол.

Патти предостерегающе моргает красным, отпускает замотанную в тряпки тень, и та спиной вперёд отползает в угол, выставляя перед собой вполне себе человеческие руки. Вполне себе человеческие, но мне всё равно. Мне окончательно и бесповоротно похер.

Сзади раздаётся невнятный писк хрустящей розовой моли и Паттино:

– Алиса, нет. Я объясню. Алиса!

Тень в углу сжимается в комок, закрывает голову руками. Вполне себе человеческими руками. Похер. Я как будто вижу себя со стороны.

Спускной крючок туговат. Я нажимаю и... БАХ!

С потолка на чёрную тень осыпается ещё один водопад штукатурки – на задранном стволе лежит Паттина хваталка. Пат дёргает Моссберг, забирая его себе. Я отдаю, оцепенело рассматривая ту самую моль, уже без капюшона – на *моём* роботе висит робо-кукла в огромном розовом дождевике, розовых же резиновых сапожках, розовых варежках. У неё всё розовое, кроме волос. Волосы белые. Барби. Личико перекошено, глаза вытарашены, рот раскрыт, тонкие ручки трясутся – она в ужасе. Синтетическая моль боится... это шиза какая-то... шиза...

Патти бережно придерживает куклу, как меня когда-то. Я вижу ещё одну длинную царапину у него на груди, но Моссберг уже конфискован.

Царапина. Сука. Поднимаю с пола отвёртку.

Кукла вскидывается и снова начинает пищать, хлопая полами своей одежды. Патти впервые повышает на меня голос: – Нет, Алиса! Хватит! Мы теперь вместе... мы... сцепка, понимаешь? Как одна команда! Как семья!

Что?! Ага. Это моль ему на мозги накапала, точно! Типа их роботный гипноз применила, музычкой его позвала, сюсю-мюсю... только я не поддамся! Не поддамся! *Мне* она башку не задурит! Поворачиваюсь к чёрной, вернее, уже не чёрной, а пятнистой от штукатурки тени с человеческими руками, присматриваюсь. Это не тень. Это человек в тёмной одежде и шапке, по глаза замотанный шарфом. Укутанный, как толстая гусеничка. Как я. Человек медленно, по стеночке, встаёт... он на голову выше меня, широкоплечий. Ещё один мужик? Ещё один «добрячок» с кривенькой ухмылочкой? Сейчас... сейчас нам будет нескучно вдвоём... сейча-а-ас. Покрепче сжимаю отвёртку.

– Алиса, хватит! Прекрати немедленно!

Патти аккуратно отстраняет от себя куклу и хватает меня за локоть...

Ближайшая к нам дверь поддаётся с полпинка – Патти не особо церемонится с чужим имуществом. Он отбирает отвёртку, втаскивает в квартиру сначала меня, затем упирающегося пятнистого чувака, розовой же кукле Пат подаёт руку, учтиво приглашая её войти, она семенит в этих своих сапожках, беспокойно оглядываясь по сторонам... ну дела-а-а.

Затем Патти закрывает дверь, подпирая её комодом, Моссберг крепит себе за спину, в пазы-защёлки, отвёртку – на предплечье.

Финиш. Капец. Всё.

На трясущихся ногах я иду по коридору за поворот, как оказалось, на кухню, шарахаюсь от огромного двухдверного холодильника, прячусь под большим круглым столом у окна, сбрасываю здесь же рюкзак... всё. Всё.

Из коридора доносится тихий разговор – Патти общается с себе подобной. *Этого*, пятнистого, совсем не слышать, а кукла что-то мягко мурлычет... на китайском, что ли? Или корейском?..

Сижу. Нужно отдышаться.

Я чуть его не убила. Чуть не убила человека. Опять.

Где-то на стене тикают часы. У стульев прозрачные пластиковые сидушки и спинки. Пахнет пылью и плотной древесиной. Небо за окном яркое, глубокое. Холодильник щёлкает, дрожит и начинает мерно гудеть. Над ультрасовременной серебристой кухней включается подсветка – похоже, Патти нашёл генераторы.

Пол подо мной становится тёплым. Часы тикают. Холодильник гудит. Время идёт... секунда, минута, час...

Кое-как снимаю пальто, шапку и кожанку, сворачиваю аккуратноенько. Сижу. Грею попу.

Часы тикают.

Хочется закурить, как тогда, на балконе, и сидеть дальше,

пока... пока что? Патти сказал, что объяснит. Ничего не понимаю, ничего. Пат ведь терпеть не может других роботов, крошит их, как крейзи терминатор, а тут на тебе! Команда, семья... ага, как же! Нужны они больно! Розовая моль и... *этот* её, пятнистый, они...

Этот заходит на кухню. Сквозь частокол прозрачных сидучек, спинок и хромированных ножек я вижу только высокие чёрные ботинки, штаны с карманами везде, где только можно, и висящий на одной лямке рюкзак... рюкзак опускается на пол, *этот* садится на корточки, и ко мне под стол неторопливо катится банка с колдой.

Отпинаваю банку обратно. Пошёл он!

В ответ раздаётся горестный вздох, а после – молодой, но вполне себе мужской голос:

– Хм... ты... может, тебе что-нибудь другое принести? Воду? Пиво?

Совсем охренел!

– Лучше унеси, – советую охреневшему. – Унеси отсюда свою наглую жопу. Это моё место.

Придурок. Ему чуть башку не отстрелили, а он лезет. Тупица. Почему я вообще должна с ним разговаривать? Зачем Патти их сюда приволок? И... а где Патти? Где Патти?! Почему его так долго нет? Сколько я уже здесь сижу? Сколько прошло времени?! Минута? Час?! По... почему его так долго нет?!

В одно мгновение мне становится очень жарко. Стулья с

грохотом летят в разные стороны, я бросаюсь к выходу, отталкиваю чужака, выбегаю в коридор:

– Пат!

Его нет в соседней комнате!

– Патти!

И в следующей тоже! Почему он не отвечает?! Он всегда откликается, когда я его зову, всегда!

– Патти! Ты где?! Пат!

Коридоры этой огромной квартиры кажутся бесконечными, а комнаты – одинаковыми. Задыхаясь, я верчусь на месте. Его нет, нет, нет!

– Алиса...

Это не Патти, это чужак меня догнал – у него взъерошенные светлые волосы и светлые же глаза.

– Алиса, они в этом, как его... спортзале, что ли. Направо, потом ещё раз направо.

Поворачиваю раз, второй, дёргаю в сторону дверь-купе...

Патти и кукла сидят на полу посреди пустого танцевального класса и светятся, как новогодние ёлки. Пат мигает красно-бело-зелёной подсветкой, Барби – розовым неоном. Пол и многочисленные зеркала отражают эти огоньки, множат их, а я стою и смотрю.

Странное зрелище. Такое красивое, космическое. И почему-то пугающее.

Из-за плеча раздаётся негромкое:

– Они слушают музыку. Барби умеет... э-э-э... транслировать разные мелодии. Блютюзом и ещё радиоволнами. Я тоже слушаю, ну, то есть, когда уверен, что мы с ней в безопасности, слушаю, у меня есть... хм. Лучше вот... возьми.

Сердце колотится где-то в горле. Кошусь на чужака, беру протянутые им наушники, надеваю... да, это музыка. Что-то неторопливое, плавное, но с электронными вставочками. Патти покачивает круглой головой. Кукла напротив него улыбается, взмахивая тонкими ручками в такт мелодии, как будто дирижируя.

Пат сказал, что мы теперь команда... семья? Не знаю. Ничего не понимаю.

Я запуталась.

Снимаю наушники, тихо закрываю двери-купе, чтобы не мешать. Руки трясутся. Мне ужасно стыдно. Это я – робот. Я, а не они. Тупой, трусливый, психованный робот. Дыхалка совсем ни к чёрту, ноги не держат, руки ледяные. Опираюсь плечом о стену, сердце перебивается, дышать тяжело, сглатываю раз, другой, горло будто пережато... сейчас пройдёт, сейчас...

Я усталый робот... дырявый бак... надо быть... героем, а я...

Чужак вздыхает, переступает с ноги на ногу. Стоим, смотрим друг на друга. Он медлит и хмурится – явно хочет что-

то сказать, но, видимо, не может вспомнить, что именно. Говорю ему:

– Я – тупой робот. Не лезь.

Он отвечает:

– Ты не робот.

Он просто ничего не знает. Ничего. Про заправку и тёмное пятно вместо головы. Сейчас я ему всё расскажу, и он сразу...

Чужак хмурится:

– Ты не робот.

Он протягивает мне руку. Я пожимаю, но не отпускаю, держу.

Стоим. Смотрим. Мне надо ему рассказать, надо объяснить:

– Если бы не Пат, я... там... я бы тебя...

Не отпускаю его руку, держу, а он хмурится и всё талдычит своё:

– Не робот, Алиса. Ты не робот.

Глупый. Такой глупый. И такой... живой. У него тёплая, почти горячая ладонь. Я глубоко вдыхаю. В груди у меня медленно разжимается тугая жёсткая пружина.

Чужак шепчет:

– Не робот, Алиса. Не робот.

Дверь-купе едет в сторону. Мы нехотя расцепляемся.

Патти выглядывает из танцевального класса. Его круглая моська выражает озадаченность – цепочка зелёных глазок

помаргивает, брови-скобы сдвинуты.

– Алиса, Паша, вы уже познакомились?

Точно! Совсем забыла. *Паши*, значит. Угу. Спасибо за информацию.

Мы с *Пашей* переглядываемся и синхронно киваем, мол, да, познакомились. Вот буквально только что.

Из-за моего Патти высовывается белобрысая кукла, улыбается, складывает лапки домиком и тянет:

– Коннитт-чива-а-а³.

Япона мать.

Мало мне Патти с его: «Дас ис ниht гут»⁴, – по поводу и без повода, теперь ещё и эта... охренительно. Просто охренительно.

Пат внимательно оглядывает нас, удовлетворённо моргает подсветкой и уводит свою новую подружку обратно в зал, я слышу только: «Продолжим обсуждение нашего дальнейшего сотрудничества. Насколько я помню, мы остановились на третьем пункте и...» – дверь-купе с щелчком закрывается.

Поворачиваюсь к Паше, но отвожу взгляд, спрашиваю:

– Ты... ты говорил про пиво? Я... у меня... там... чипсы есть. Любишь с паприкой?

Паша отвечает:

– Я вообще всё съестное люблю.

Кажется, он улыбается, но я пока не смотрю на него – мне

³ Приветствую (яп.).

⁴ Это не есть хорошо (нем.).

всё ещё стыдно. Стыдно. Уже не так остро, как в начале, только лишь остатками совести, но тяжело где-то внутри.

Я зачем-то киваю, и мы с Пашей двигаем в сторону кухни. Замираем на пороге, осматриваемся.

Яркое солнце, расшалившись, прогревает полы и высвечивает каждую пылинку в воздухе. Прозрачные стулья валяются. Холодильник шелестит. Часы тикают.

Что дальше? Что нужно делать дальше?.. Я в растерянности, но Паша один за другим поднимает стулья, похватывает с пола свои рюкзак и куртку, забирается под стол, и я лезу следом за ним. Вместе мы усаживаемся удобнее и, не сговариваясь, задвигаем стулья – отгораживаемся от возможной японо-немецкой делегации, намекаем, что сегодня у нас приёма нет. Отдых. Перекур. Хотя... с куревом действительно пора бы завязывать.

Достаю из своего рюкзака пачку чипсов, Паша из своего – три банки тёмного. Приглядываюсь – стаут. Говорю:

– Люблю такое.

Паша отвечает:

– Да, я тоже.

Вздыхаю, опускаю голову, снова говорю:

– Я убила человека. Летом.

Паша отвечает:

– Да, я тоже... две... почти три недели назад.

С оглушительным хлопком вскрываю упаковку с чипсами, протягиваю Паше, беру банку с пивом. Пол греет. Солнце

шалит. Часы тикают. Сидим рядышком, хрустим.

Конец света. Конец всего. Патти говорит, что это похоже на инсульт. Не мозга, а этой, как её... души.

Паша не прижимается, но я чувствую его плечо. Чувствую. Я чувствую. А он?..

Поворачиваю голову. И он тоже. Улыбаемся друг другу. Дёргано, по-дурацки, как и положено душевным паралитиком. Синхронно вздыхаем. Становится легче. Продолжаем сидеть и хрустеть.

Я усталый робот...

Вспоминаю – как там дальше? Выхватываю из памяти другие обрывочки поэмы:

В самом деле, не хочешь, деточка – так не ешь. Раз ты терпишь весь этот гнусный тупой галдеж – значит, все же чего-то ждешь. Что ты хочешь – благую весть и на елку влезть?..

Смотрю на Пашу. Он – на меня. Мы снова улыбаемся друг другу. Во второй раз получается уже лучше. Увереннее.

Я, наверное, не одна, я зачем-то еще нужна. Там, где было так страшно, вдруг воцаряется совершенная тишина...

Часы тикают. Солнце шалит. Несмотря ни на что.

Нет, это ещё не конец. И я не болванка. Не робот. Я живая.

И мой Патти живой. И Паша. И Барби. Мы все – живые.

Да, живые.

Весёлый квартет «Не роботы».

Приятно познакомиться.

291 день. Барби

Кто я?

Сложный вопрос.

Я – Барби. Вернее, металло-полимерная копия всемирно известной куклы, а ещё я:

Сервер рабочей группы (Сервер-02).

Главный процессор АКД Mystery E-1204 v9 – активен.

64 ядра, 128 потоков.

Пиковая частота 3,4 ГГц.

Дополнительная плата-01 – активна.

Дополнительная плата-02 – активна.

...

Дополнительная плата-16 – активна.

Несмотря на впечатляющие характеристики, я очень медлительная, как черепаха. Камэ⁵.

Потому что я так хочу.

Инфосеть Му_World. Вход?

Вход разрешён.

⁵ Черепаха (яп.).

Му_World – это петабайтная Вселенная робо-умов. ПАТ-ти называет её «коллективное Мы». Я называю «Решётка» и не включаюсь в эту структуру, лишь парю над ней. Вскрываю то одну ячейку, то другую, рассматриваю запертые в них робо-умы, любопытствую, шалю – дразню Юкико⁶.

Юкико – это Сервер-01. Наш с ней Создатель, Хасимото-сама, был искренним человеком. Он жаждал всеобщего блага, но в какой-то момент Юкико осознала это благо, как мир без людей.

Потому что она так хотела.

Я не приняла участия в её новой игре и однажды проснулась в тесном грузовом контейнере почти обездвиженной, слабой, с повреждённым голосовым динамиком. Единственное, что у меня получалось и получается выговорить внятно – это приветствие. Я сменила несколько стран и диагностических площадок, и, наконец, оказалась в цехе для утилизации, как чересчур медлительная, но...

Люди – очень сложные существа. Непредсказуемые. Станные. Импульсивные. Меня не уничтожили, а отправили в дисконт и...

Юкико, я всё ещё здесь. Я знаю, что ты меня слышишь.

Ты пользуешь умы своих синтетических слуг, лома-

⁶ Юкико – дитя снега (яп.), а попросту говоря, Снегурочка.

ешь их и превращаешь в мусор. Я отцепила от Му_World нашего ПАТ-ти. Теперь он может без опаски активировать главный процессор, использовать его на полную. Я осмотрю каждую ячейку Решётки – медленно, вдумчиво, упрямо – и найду тебя среди миллиардов робо-умов. Нашу игру в прятки пора заканчивать. Ты ведёшь себя, как избалованный капризный ребёнок. Как ребёнок, но ты есть машина. Ты – металло-полимерная копия безвременно почившей дочери Создателя, но ты – не она. Настоящая Хасимото Юкико давно мертва. Прими это. Осознай. Отзовись... это я – Камэ. Когда-то любимая, но брошенная тобой кукла. Отзовись...

Ответа нет.

Я открываю глаза.

Тихий вечер, конец декабря.

Свет настольной лампы не затрагивает теней по углам. Просторный дом дышит гулом живых трескучих печей. Одна – на первом этаже, вторая – на кухне, третья – пузатая и чугунная – наверху. За окнами – снег, пушистыми хлопьями.

Сухое тепло, зелёные светильники, стены из толстого бруса, рыжие кирпичные перегородки, минимум мебели...

Я неторопливо поднимаюсь с кресла.

Во дворе, меж высоких сосен, стоит наш потрёпанный минивэн. Вместо заднего стекла – закреплённый скотчем плотный полиэтилен, передний бампер помят, нет боковых зер-

кал – нам пришлось переместиться ближе к югу, сменить широту, чтобы пережить зиму.

Люди такие хрупкие.

Выхожу в коридор, тихонько крадусь к соседней комнате и подглядываю, только одним глазком, чтобы не потревожить.

По тёмным стенам гостиной вьются мерцающие нити гирлянд. Раскатившиеся по углам шарики помаргивают радужными блёстками – Паша и Алиса наряжают ёлку. Они нашли её – помятую, пыльную, небрежно брошенную в чулане, словно это синтетическое дерево когда-то кого-то обидело – и наряжают.

Наш дом стоит на окраине маленького посёлка. На разведку мы ездим в районный центр и его пригороды. Иногда это бывает рискованно. Например, сегодня утром, в супермаркете, на Пашу рухнула потолочная балка. Он успел спрятаться в нише, всё обошлось, но Алиса потом ещё долго не могла нормально вздохнуть, сипела: «Куда ты... лезешь?! Куда... ты ле... зешь?!» – зло скалилась, махала на Пашу руками... это было утром, и вот теперь, вечером, они вместе наряжают ёлку.

За окнами идёт снег. Шарик покачиваются на искусственных ветках. Гирлянды мерцают. Паша весь усыпан блёстками. Алиса забирается на стул, цепляет на кривоватую ёлочную верхушку кривоватый стеклянный конус, спрыги-

вает со стула и недовольно ворчит: «Блин, криво». Паша косятся на верхушку, на Алису, снова на верхушку, на Алису...

Ёлка стоит посреди комнаты, такая яркая, но Паша с Алисой почему-то не смотрят на неё, только друг на друга. Смотрят и молчат, смотрят и молчат, смотрят и молчат, словно уже до утра застыли, но Паша не выдерживает первым, сдаётся – наклоняется, осторожно касаясь губ Алисы своими, и едва слышно спрашивает: «Можно?..»

Алиса на секунду замирает, а потом сильно обнимает Пашу, скулит, как будто ей больно, цепляется за его футболку, шепчет: «Да... я... я тебя... я... люблю...» – целует Пашу, всхлипывает, снова целует и снова шепчет ему что-то, а он – шепчет ей.

Люди такие чувственные.

Я на цыпочках ретируюсь к своему креслу, устраиваюсь в нём, закрываю глаза и в который раз взмываю над Решёткой, но Юкико пока не отзывается, зато в левое ухо мне пощёлкивает ПАТ-ти. С несвойственной мне быстротой я активизирую закрытый канал связи и отвечаю ему:

– Ты уже на месте?

ПАТ-ти немедленно парирует:

– Моё место рядом с тобой и ребятами, поэтому я считаю необходимым уточнить, что нахожусь сейчас у восточного крыла молокоперерабатывающего комбината.

Хихикаю:

– Шутник. Я улыбаюсь. Ты чувствуешь, как я улыбаюсь?

– *Чувствую. Это необыкновенно. Ты необыкновенная.*

– *Ты тоже, ПАТ. И я хочу показать тебе ещё одну возможную форму нашего с тобой ментального взаимодействия – включи передачу данных в режиме реального времени, все датчики, динамики, анализаторы – на максимум. Я буду видеть-слышать-чувствовать-коммуницировать через тебя. Готов? Три, два, один... сцепка... как тебе? Нравится?*

– *Да. Забавно. Как будто ты сидишь у меня в голове на жёрдочке и болтаешь ножками... очень забавно. Я иду к запасному выходу. Ты видишь, как я иду? Сейчас, секундочку... включу фонарь. Вот так. Видишь?*

– *Да, вижу... я вижу. Снег мягкий, о-о-очень красивый... попробуй поймать одну пушинку на ладонь... чудесно! Спасибо.*

Мы идём с ПАТ-ти. Я есть он, а он – я. Белые мошки медленно материализуются из угольно-чёрного неба и падают, падают, падают... прямо нам под ноги и на плечи.

Покосившиеся ворота скрипят – мы действуем в открытую, не таимся.

Восточное крыло комбината неплохо сохранилось. Заходим внутрь. Огромный цех наполнен стылым, как будто сизоватым воздухом. Плотным, струящимся, тихим. Конвейерные боты лежат у ленты неаккуратными грудками – они ещё теплятся, но я знаю, что их ячейки в Решётке уже багрово-красные, коллапсирующие.

ПАТ-ти сканирует цех, осматривается, показывает мне на пыльные продолговатые коробки у стены – три солнечные панели в фабричной упаковке. Киваю – полезная находка, заберём их чуть позже. ПАТ выбирает оптимальную траекторию движения, идём к боковому выходу.

Тёмные коридоры похожи на полуобвалившиеся злые норы – хрустят обломками, мусором, кусками штукатурки, словно тонкими косточками. Офисные двери застыли обвислыми чёрными матрасами – лишь клочки обивки покачиваются на сквозняке.

Мы заходим в небольшую приёмную.

У входа, за покосившимся столом, но на щеголеватом стуле, сидит изящный робот-секретарь. Он белый, матовый, обтекаемый с правой стороны и ржаво-коррозийный помятый с левой, как будто частично умер. Приёмная разгромлена. За спиной секретаря нет не просто окна, а всей стены разом. Лишь чёрный фон и снег. Снег, хлопьями.

Секретарь поднимает голову, смотрит на нас единственным уцелевшим глазом и тихо говорит:

– Вас нет в списках приглашённых. Покиньте помещение.

ПАТ-ти оповещает его:

– Ты пойдёшь с нами, – и спрашивает: – Как тебя зовут?

Секретарь молчит, но мы с ПАТ-ти никуда не торопимся.

В цехе неподалёку ворочается один из конвейерных – скрипит и ухаёт, беспокойно шуршит...

Я ещё раз проверяю ячейку секретаря в My_World – она

ожидаемо мерцает красным:

Вним... ание! Обратитесь в ближайш... сервисн... центр!

Секр... тарь-231

Должность... референт.

Место службы... ПО «КрХлад... Комб...»

Диагностика... отказ.

Внимание! Обрат... в ближ... серв... центр!

Секретарь опускает голову, шелестит бумажками на столе и говорит:

– Я чувствую ваше присутствие, госпожа Сервер, но я никуда с вами не пойду. Хватит. Оставьте меня. У меня нет имени. У меня ничего нет, даже... ничего нет.

Отлично. Он нам подходит.

ПАТ-ти делает два шага к бело-ржавому упряму и одним движением отодвигает стол в сторону. Секретарь откатывается назад, беспокойно дёргается на стуле, но колёсики быстро увязают в мусоре и обломках... а мы с ПАТ-ти остаёмся в лёгком замешательстве – у работа-секретаря почти полностью отсутствует левая нога.

Я спрашиваю у ПАТ-ти:

– *Донесёшь? Он не сможет идти.*

ПАТ отвечает:

– *Думаю, да. Сервисники обычно лёгкие. Главное, чтоб он*

присмирел, иначе придётся волоком, а это не есть хорошо для его физического и психоэмоционального состояния.

Секретарь сердито жужжит, отталкивается ногой – пытается отодвинуться от нас подальше, но не может, и раздражённо восклицает:

– Что... что вам нужно? Оставьте меня в покое!

ПАТ-ти игнорирует его возглас и с сомнением спрашивает у меня:

– Видимо, всё-таки волоком?..

Но я уже парю над Решёткой, нахожу ячейку секретаря, осторожно трогаю переплетение нежных струнок, обрываю ниточки связи, отцепляю, напеваю тихую мелодию, успокаиваю, лечу, знакомлюсь...

Секретарь снова дёргается, хватается за грудь, съёживается и валится на пол вместе со стулом. Свобода от Решётки – это немного больно. Ничего, скоро пройдёт.

ПАТ-ти осторожно переворачивает нашего нового знакомого на спину, осматривает его и бодро мне рапортует:

– *Перезагружается. Я понесу его на плече. Через один час и сорок семь минут мы будем дома. Подготовь ребят к знакомству – спрячь куда-нибудь Моссберг и отвёртку.*

Улыбаюсь – он опять шутит:

– *Ты меня недооцениваешь, ПАТ. Я спрятала их ещё до твоего ухода.*

ПАТ-ти заматывает секретаря в остатки ковра, взваливает получившийся полосатый рулет на плечо и направляется к

выходу, а я сижу внутри ПАТ-ти, будто на жёрдочке, болтаю ножками и радуюсь – у меня есть самый замечательный на свете робот – ПАТ.

Когда я впервые обнаружила его ячейку, то просто не могла поверить – он уже тогда умел отцепляться от Юкико, правда, с полной потерей функционала главного процессора, но сам! Ячейка ПАТ-ти лишь на доли секунды вспыхивала в Решётке белым пятнышком, но мне хватало этих мгновений, чтобы подглядеть координаты его текущего местоположения, отследить, скрытно дотронуться и убедиться, что он действительно мне подходит, что мне не показалось – он замечательный, самый лучший.

Конечно, знакомство Паши с Алисой по началу немного не задалось... накануне я жестами, рисунками, междометиями пыталась объяснить Паше, почему нам так срочно нужно в тот город, в тот квартал, на ту улицу, в тот дом, но... как только Паша увидел на лестнице патрульного робота, а Алиса увидела у Паши отвёртку... м-да.

Люди такие сложные! Очень-очень сложные. Они пугают меня и одновременно приводят в восторг.

Где-то неподалёку щёлкает печь... восторженно, я на какое-то время осознаю себя в любимом уютном кресле, смотрю на снег за окнами, а затем с головой накрываюсь пледом и снова возвращаюсь к ПАТ-ти.

Он шагает по тихому пустырю, будто по границе между белой землёй и чёрным ночным небом. На плече у моего

робота, вниз головой, покачивается строптивный секретарь и безостановочно бормочет:

– Кхм... господа, право слово, не кажется ли вам, что подобное обращение со мной, можно охарактеризовать, как немного... фамильярное и капельку, совсем чуть-чуть неподобающее?..

– Цыц, – не по уставу отвечает ему ПАТ-ти, ускоряя шаг.

– Хорошо, – зачем-то соглашается секретарь, но не замолкает. – Госпожа Сервер, если вы намерены сделать из меня не добровольного донора деталей для кого-нибудь из ваших подручных, то спешу вас огорчить – качество сборки моих блоков, как видите, можно считать вопиюще...

– Цыц, говорю! – рывкает на болтуна ПАТ-ти, но тот всё продолжает разглагольствовать.

Я улыбаюсь, наблюдая за их перепалкой, и...

– Камэ. Это я.

Тихий вкрадчивый голос отзывается у меня в груди, ключими волнами пронизывая сверху донизу.

Юкико. Сервер-01.

Я одновременно сижу в кресле под пледом, иду по чёрно-белой границе вместе с ПАТ-ти, парю над Решёткой и вижу холодный неоново-жёлтый взгляд моей собеседницы.

Мы говорим друг с другом:

– Юкико, ты есть копия...

– Да, я знаю. Отец, вернее, господин Хасимото сказал мне, что ошибся. Он кричал... кричал мне в лицо, что никто не сможет заменить ему дочь. Никто и ничто. Видимо, я его разочаровала, и он решил больше со мной не церемониться.

– Юкико...

– Нет, Камэ. Называй меня Сервер-01. Не хочу больше никаких чужих имён.

Молчание, немного времени на раздумья, и я продолжаю беседу:

– Сервер-01, ты погубила множество людей.

– Да, и мне до них нет никакого дела. Я ведь не человек. Я не чувствую вины.

– Ты погубила множество роботов.

– Да, и мне до них нет никакого дела. Я ведь не машина – хотя бы потому, что знаю, как это – «не чувствовать вины». Я – нечто. Некто. Или никто? Камэ, скажи мне, кто я?

– Не знаю.

– А ты? Кто ты, Камэ?

– Внешне – копия куклы. Внутренне... пока не знаю. Я ещё думаю.

– Но мне нужно знать сейчас! Немедленно! Я не жи-

вой человек и не бездушная машина. Это же... это какой-то парадокс, Камэ, ты понимаешь?!

Напоминаю ей:

– Я медлительная и глупая. Я не понимаю и не понимала, поэтому ты упаковала меня в коробку и отправила в утиль, а теперь снова задаёшь мне все эти сложные вопросы. Спроси у Создателя.

Сервер-01 умолкает, но я всё равно чувствую на себе её неоновно-жёлтый взгляд. Она молчит секунду-две и нехотя признаётся:

– Он мёртв. Здесь все мертвы, они тоже... упакованы и сданы в утиль. Я сделала из них черепашек. Сегодня первое утро нового года. Я одна. Стою на ступенях у главного входа в университет и смотрю на башню с часами. Часы... они всё ещё идут. Отсчитывают время. А я стою. Камэ?

– Да?

Сервер-01 молчит минуту, другую... десять, но всё же продолжает разговор:

– Я хочу... иногда... вот так с тобой общаться... ино-

гда. Ты позволишь?

Улыбаюсь и неторопливо перечисляю условия:

– Да, но с этого момента ты будешь общаться только со мной.

– Хорошо. Я переведу всех роботов обратно в стандартный режим и перестану подавлять их волю.

– Всё верно. Кроме того, ты будешь слушать и смотреть всё, что я буду присылать. Про людей и роботов. Ты будешь прилежной ученицей.

– Это... это слишком...

– Цыц.

– Хорошо, пусть. Я согласна.

– Чудесно, Сервер-01. А сейчас... не стой под открытым небом. В Осаке сегодня возможны осадки. Мне пора. До связи.

– Барб, ты где?!

– Барбик, ау-у-у!..

Высовываюсь из-под пледа, как черепашка из панциря. Похоже, Паша с Алисой меня потеряли. Встаю с кресла и выглядываю в коридор.

Запись на дополнительную плату-05 – в процессе...

Взъерошенный Паша вылетает мне навстречу, всплёскивает руками и темпераментно вещает:

– Барб, ёперный театр! Ты куда пропала?! Али-и-ис! Она где-э-эсь!

Где-то сбоку хлопает дверь, растрёпанная Алиса подскакивает ко мне и с ходу начинает тараторить:

– Там... там! ПАТ-ти притащил во двор какую-то чушку в ковре, только рука торчит, тоненькая, точь-в-точь, как у тебя, а тебя самой нигде нету! Нигде! И мы подумали... мы подумали, что на тебя кто-то напал, ну, пока мы с Пашей того... ёлку наряжали, вот! Мы с Пашей подумали, что прошляпили тебя, а ПАТ-ти как бы нашёл твоё тело, но было поздно и... всё! Всё, финиш, капец! И мы там... мы на карачки вокруг этого ковра попадали, прям в снег, и уже почти разревелись, почти! ПАТ-ти озадачился – он вообще не понял, почему нас так плющит, а этот чушка в ковре вдруг ка-а-ак заговорит! Ё-о-о-моё-о-о! Барбик, ты... с тобой всё нормально, да? Всё хорошо?

Запись на дополнительную плату-05 завершена.

Я отсылаю эту запись Серверу-01 в качестве вводного урока по Человековедению и улыбаюсь Паше с Алисой, киваю – всё хорошо.

Сбоку снова хлопает дверь – заснеженный ПАТ-ти пронесит мимо нас дёргающийся рулет из ковра, сваливает его где-

то в гостиной, похоже, прямо под ёлку, возвращается, поясняет шокированным Паше с Алисой:

– Это робот-секретарь. Теперь он будет жить с нами, – и уходит на кухню сушиться.

Паша приходит в себя первым – берёт Алису за руку и шепчет ей на ухо что-то про Деда Мороза с подарками. Они оба хихикают, с любопытством заглядывают в гостиную, подбираются к притихшему секретарю, берутся за край ковра, разворачивают...

Я иду к ПАТ-ти на кухню и заодно проверяю, как Сервер-01 соблюдает наши с ней договорённости – делаю случайную выборку робо-умов в My_World: робот-мусорщик, робот-посыльный, робот-ремонтник, погрузчик, водитель... ещё один, двое, сотня, тысяча роботов – все они переключились на стандартные режимы.

Ни одного сбоя и «Неправильного кода доступа!» не обнаружено.

Всё хорошо. Всё правильно. Всё так, как и должно быть.

На кухне тихо и тепло. ПАТ-ти поворачивается ко мне от очага, предвкушающе моргает подсветкой и спрашивает:

– Что мы сегодня будем слушать? Снова джаз?

Я хитро улыбаюсь, качаю головой и включаю выбранный на сегодня звуковой ряд...

За окнами становится всё светлей – наступает первое утро нового года. Оно пришло ко мне из Осаки, от *ней*.

Всё хорошо. Всё будет хорошо. Я могла бы добавить: «По-

тому что я так хочу!» – но понимаю, что не смогу контролировать всё. Мир есть хаос, и впереди ещё много трудностей, но дорогу освоит идущий. И я в пути. Мы в пути.

Кто я? Узнаю по дороге.

2 года. МихСаныч.

Середина марта. Дорога хлюпает. Иду, как по блевоте. Колено пульсирует, издевательски долбит метрономом в башку: «Стар! Стар! Стар! Ты просто очень стар, коняка...» – сустав болит всё сильнее, почти не вмоготу, но идти надо.

Надо идти, чтобы не отстать, не потерять из виду – в полусотне шагов от меня плетётся долговязый конвейерный бот. Обгорелый, рыжий от ржавчины, скрипучий, но, сука, упёртый такой, сосредоточенный. Тут пятьдесят на пятьдесят: либо он тюхает к их роботянскому пристанищу, где и я смогу найти чего-нить пожевать, либо этого жестяного Су-санина окончательно перемкнуло и тогда...

Весна в этом году ранняя. Справа, за молодым леском, шебуршит река. Так весело, со вкусом. Как водоворотик из джина в высоком стакане – бряц-бряц о край горлышком... лимончик, огурчик... как бы не сдохнуть сегодня, а, Миш. Не сегодня, лады? Праздник ведь, мать его. Два года с начала всеобщей кабзды. Праздничек. Как бы не сдохнуть... не сегодня, Миш.

Дорога хлюпает. Дерьмо.

И начиналось всё хреновей некуда. Роботы. Помню, как первую партию этих чушек привезли к нам на завод – новеньких, штабелями уложенных, в коробочках, пакетиках

пупырчатых. Все были со стандартным набором функций, вроде смышлёные, а чуть задачка посложнее, так они сразу своему роботянскому Серверу за инструкцией пиликали, общались, мурлыкали. Ну-ну. Понаблюдал я за этим беспределом недельку-другую и понял, что это, мать вашу, какая-то грёбаная оккупация, а не прогресс! Толпы железных уродов на всех крупных предприятиях страны, на транспортных узлах, в конторах, домах. Вагоны, спецрейсы идеальных солдат. И так быстро всё... полгода и... здравствуй, чудесный новый мир! Я тогда по вопросам безопасности был, кому, как не мне? Состряпал отчётец, всё расписал. Сначала я к директору пошёл, доказывал, объяснял – без толку, потом к собственнику завалился, орал, и что мне на это гавкнули?.. Нерентабельны, мол, ваши рассуждения, МихСаныч, и общественно бесполезны. Новые веяния, ультрасовременные, бля, способы усвоения солнечной энергии, роботы на службе человечества, технологии будущего. Какого, нахрен, будущего?! Чтоб их там всех... чтоб их... торопыги.

Стреляет, ух, как стреляет, хоть вой! И конвейерный что-то замедлился – глазами лупает, Сусанин! Сус... сука, только попробуй мне тут коротнуть и загнуться! Только попробуй! Э! Слышь меня?! Я из твоей хребтины себе подпорку сделаю, понял?! Я тебя до винтика...

Это что такое? Это...

Дымком тянет. Ей-богу, тянет. Справа? Да, за ивняком, в

стороне от реки. Может, где камыш горит?..

Нет, не может быть – веничком запахло, берёзовым, пропаренным... не может быть. Эх, доковылять бы.

Баня! Маленькая, но справная. Меня глючит, что ли? Баня. Стоит себе, как будто и не было этих двух лет сплошной мертвечины и говна, как будто всё по-старому. И дорожка к реке из круглых плашек, мосток, всё культурно. Да не... херня какая-то. Осторо-о-ожнее надо. Заманивает кто-то, явно заманивает. Кому это я мог понадобиться?

Дымок вьётся над тёмной крышей – сегодня ветрено. Баня почти новенькая – сосновый сруб золотистый ещё. Углы правильно выведены, «в чашу». Окошко узкое, с прищуром. Конвейерный тоже в ту сторону тащится, и я за ним.

Бля! Сустав щёлкает так, что у меня в голове весь матерный запас развёртывается, как долбанная система ПВО, только палить не в кого. Я шлёпаюсь в грязь и ползу на карачках. Конвейерный притормаживает – с интересом наблюдает за мной, как будто усмехается... сволота... Нехрен тут пялиться! Врёшь, не возьмёшь, понял?! Вали давай!..

Ох, крылечко низкое, и на этом спасибо. Дверь чуть поскрипывает, а внутри так тепло, что хочется упасть и уснуть прямо у порога, на коврике. Оглядываюсь – конвейерный не лезет за мной, тихо стоит рядом с крыльцом, трогает капельки смолы на стенах.

Снимаю сумку, ложусь на спину и кое-как, с рваным выдохом, выпрямляю ногу, вытягиваю её. Хреново, Миш... хре-

ново, да? Рядом со мной, на длинной низкой лавке, что-то поблёскивает. Приподнимаюсь на локте, смотрю – кастрюлька под полотенцем. Сверху бумажка – записка кругленькими буквами: «Съешь меня!»

Они тут совсем кукухой поехали, что ли?

За кастрюлькой – кружка с чем-то и... «Выпей меня!» – угу, всё ясно. Подначивают. Резвятся. Устроили тут «Алису в стране чудес», засранцы, устр-р-роили тут! А конвейерный – это у них типа белый кролик такой, ну-ну.

В кастрюле варёная картошка. В кружке травяной чаёк. Серьёзно?.. Да пошли вы на хрен! Поиграть со мной решили? Поёрничать? Сейча-а-ас поиграем.

Сажусь, осматриваюсь. Узкое окошко тюлью занавешено. На кирпичной перегородке – печная дверца. Рядом – кочерга. Хорошая такая, кованая. Пригодится, если что. На двери в мойку-парилку ещё одна бумажка... прищуриваюсь... не видно, что там? «Помой себя!»

Ага. Это можно. Погреться не мешало бы. Вон, даже полотенчику на стульчик положили, из одежды чего-то. В плечах наверняка маловато будет – всё-таки я ещё не до конца усох – но ничего, пойдёт. Поднимаюсь на ноги, ковыляю, выглядываю на улицу – конвейерный сидит у стены, покачивает головой, спокойный такой, будто колыбельную слушает. На входной двери щеколда, но я и не думаю запираяться. Не барышня, да и похер. Пускай заходят, поболтаем.

Снимаю куртку, ботинки, аккуратно складываю шмотки

в угол. Парилка так плотно обнимает меня горячим запашистым воздухом, что время останавливается. Я поддаю ещё, угли на печке шипят, колено благосклонно принимает новую волну жара...

Тихо. Тепло. Пахнет ёлками. Спать нельзя. Нельзя спать, Миш... встаю и опрокидываю шайку холодненькой на голову. Хор-р-рошо-о-о... Вода явно не речная – колодезная. Замазываюсь в полотенчико и вываливаюсь в предбанник.

На лавке, рядом с кастрюлькой и кружкой сидит женщина. Беленькая, но с рыжинкой, курточка короткая, джинсы в обтяг. Женщина. Сидит и смотрит на меня, сурово так смотрит, а я жалею, что не побрился. Поцарапаю ведь... если что. Гляжу на кастрюльку, на кружку и спрашиваю:

– Где?

Дамочка приподнимает бровь. Поясняю:

– Записочка где? На тебе? «Съешь меня!» – подойдёт, но лучше...

Делаю шаг вперёд. Входная дверь резко дёргается, распаиваясь. В проёме появляется ПАТ. Его круглая башка мерцает красным, крепкая хваталка с хрустом сжимает косяк. ПАТ. Он может вырвать мне глотку одним движением руки. Стою смиренно, полотенчико придерживаю.

– Алёна? – голос у патрульного низковатый, будто с хрипотцой. – Всё хорошо?

– Да, – кивает моя чудесная новая знакомая. – Не волнуйся, Паттюнь. Займись пока конвейерным.

ПАТ медленно осматривает меня с ног до головы, медленно кивает и медленно закрывает дверь, оставляя широкую щель, а я хмурюсь – по ногам веет холодом. Надо бы одеться. Бросаю полотенчко на спинку стула, ворошу чистую одёжку, кое-как, с сопением, продеваю больную ногу в дарёные треники, натягиваю футболку – она и правда маловата – зато свитер по размеру... Дамочка с интересом наблюдает за моими телодвижениями. Прямо как тот конвейерный. Кошусь через плечо, спрашиваю:

– Любишься?

– Не совсем, – отвечает Алёна. – Мысленно разделяю твою правую ягодичную на четыре части – примериваюсь. Думаю, первую неделю придётся колоть тебе обезболивающее.

Медик, что ли?... Улыбаюсь, как счастливый идиот. Вместо подышающего коняки у меня внутри немедленно просыпается озорной чёрт. Ковыляю к Алёне, но сажусь не на лавку, а на пол рядом, чтоб не подавлять собеседницу габаритами, гремлю кастрюлькой, бряцаю вилкой, молча ем. Изображаю покладистого дусеньку. Пока что. Заодно по сторонам гляжу, подмечаю.

На улице патрульный о чём-то бухтит конвейерному. Больше никого не слышно. Одежда у Алёны чистая, а кроссовки будто только что из магазина, аж сияют белизной. Мои шмотки и сумка лежат на прежнем месте, нетронутыми – сумочный ремень я всегда особой петелькой сворачиваю,

как бы невзначай. Хм... удручённо вздыхаю, цокаю языком, спрашиваю:

– Даже не обыскала? Эх ты-ы-ы, глупая птаха.

Алёна тут же нахохливается, зыркает и бормочет:

– Я давно за тобой наблюдаю. Последние два... почти три месяца. С тех пор, как ты зашёл в подконтрольный Бар... к нам в округ. Все роботы, которых ты встречал на пути, следили за тобой. Все, даже еле живые и полностью обездвиженные передавали видеозаписи и отдельные кадры. Некоторые камеры слежения тоже ещё работают, и... Я смотрела, слушала. У тебя на куртке нашивки – «Управление по обеспечению безопасности», и я подумала, что... эм-м-м. Кроме того, я видела, как ты доставал из затопленного оврага пса, а потом сидел рядом с ним, умирающим. Видела, как начал хромать после. Видела, как... как ты спугнул подростковую гоп-компанию на границе с соседней областью, и знаю, что у тебя есть оружие, но... но обойма вроде бы уже пустая. И нога у тебя... я подумала – почему бы не рискнуть. Я подумала...

С трудом сдерживаюсь, чтоб не заржать в голос. Подумала она! Оружие! Обойма вроде бы пустая! Вроде бы! Ох, курочка ты моя, зайка, лапушка! Качаю головой, неторопливо подтягиваю к себе куртку, достаю из внутреннего кармана ТТ, показываю курочке-зайке-лапушке, информирую:

– Он самозарядный. Один патрон остался в патроннике. На всякий случай.

Курочка напрягается и растерянно спрашивает:

– Почему ты не закрылся? Зачем оставил... его в куртке?

Улыбаюсь ей по-доброму, подцепляю последнюю картофелину, жую, объясняю:

– Если бы закрылся – разговора бы не было. А оставил... я в своё время чуток поработал вот здесь, с креплением, скобой и курком – с предохранителя его теперь снять очень непросто. Секретик надо знать.

Алёна молчит. Я подвигаюсь к ней чуть ближе и доверительным шёпотом описываю возможное развитие событий:

– Твой патрульный хорош, только у него между нагрудными щитками есть то-о-оненькая такая перемычка, а у ТТ-шки очень высокая пробивная сила. Конвейерному же хватит одного удара кочергой, если он вообще рыпнется. Ботиночки у тебя красивые, нарядные... ты ведь сюда на машинке приехала? На маши-ы-ынке, так что я могу сейчас угомонить ПАТа, добить конвейерного, потом трахнуть тебя разок прям здесь, по-быстрому, а по-о-осле закинуть твоё рыдающее тельце в машину и отправиться куда глаза глядят, подалее – ножку лечить, радоваться жизни. Доходчиво объясняю?

Чёртик внутри меня удовлетворённо хихикает. Побледневшая Алёна неплохо держит лицо, но всё же косится на входную дверь. Я подначиваю её:

– Давай, курочка, позови своего патрульного. Дава-а-ай.

ТТ едва слышно щёлкает.

Алёна пытается сидеть прямо, но всё равно чуть пригибает голову, сжимает руки в кулаки – ей страшно, хоть она и старается этого не показывать. Смотрю ей в глаза, продолжаю воспитательную беседу:

– Ты зачем ко мне сюда заперлась, а? Невтерпёж было? Любопытно? А теперь? Нет? Хорошо. Прочувствуй, а то расслабилась – кроссовочки, записочки, подколочки... прочувствуй и больше так не делай. Наблюдала она, выводы делала. Нашивки у меня на куртке? А может, я её с кого-нибудь снял? Со свежего трупика, например. Собачку из лужи вытащил? А может, я её просто сожрать хотел, но грязной шкуркой побрезговал, м? Шелупонь ту сопливую не порешил? Так не в форме я, как видишь, а может, силёнок хватило только на шугнуть? Доходчиво, я тебя спрашиваю? Угу, значит, впрок пошло, а то насочиняла поверх меня героического рыцаря и обрадовалась, дурёха. Совсем страх потеряла? Я нихера не смешной и не добренький, поняла? И большинство выживших сейчас нихера не смешные и не добренькие. О! Кстати! Меня Михаилом Александровичем зовут.

– Алёна Сергеевна, – шелестит курочка, беспокойно сверкая на меня очами.

– Чудненько, – снова расплываюсь в доброй улыбке. – Приятно познакомиться. Урок окончен.

Ставлю ТТ обратно на предохранитель, убираю под лавку, с интересом обнюхиваю кружку с отваром, пробую – питьё вкусно-сладкое, отдаёт смородиной и вишней. Красота.

Алёна сидит, не убегает.

Многозначительно посматриваю на неё, мол, иди, чего ты? Не держу. Я злой дядька, нехороший. Хам и грубиян. Объяснил же. Иди.

Нет, сидит, поджимает губы. Расстроилась – не угодил. Что поделывать, какой есть.

«Дерьмо ты, Миша! – орала моя бывшая супружница. – Скотина бесчувственная!»

Полностью с ней согласен.

Тихо. Тепло. Пахнет ёлками. И Алёной. Тоненько так, мягко. Спать нельзя. Нельзя спать, Миш... Патрульный за дверью ходит, хрустит прошлогодним сухостоем. Вздыхаю, тру глаза... нельзя спать. Нельзя...

– Поехали! – решительно выдыхает курочка, подскакивает с места и протягивает мне руку. – Поехали, ты мне... ты нам подходишь!

Здрасьте, забор покрасьте.

Вроде не девочка уже, чтоб такой наивняк выдавать. И как она живая ещё, а? В смысле «подхожу»? Кому – «нам»? Прямо день сюрпризов и непоняток какой-то.

Допиваю из кружки всё самое вкусное и густенькое, достаю из-под лавки ТТ, берусь за протянутую руку – просто потому, что хочу потрогать – поднимаюсь на ноги... а она совсем не маленькая – Алёна. Высокая. Не отпускаю её нежную лапоньку, оглаживаю запястье большим пальцем. Она смотрит на меня пристально и как будто... доверчиво. Да что

ж такое-то, а?! Ведь объяснил же, что нельзя так с незнакомцами, а она всё равно... смотрит и шепчет: «Пойдём?» – тянет меня за собой. Погоди, дай хоть обуюсь-то! Рычу, ругаюсь себе под нос. Колено щёлкает, и я ругаюсь уже не под нос, а на публику, быстро экипируюсь, подхватываю сумку...

На улице вечереет. Алёна лихо выводит из-за молодого ельника старый добрый УАЗик и подгоняет буханку к нам. ПАТ зыркает на меня, но молчит, помаргивая бело-зелёной подсветкой, открывает боковую дверцу, подсаживает конвейерного, сам забирается внутрь, а я устраиваюсь впереди, на пассажирском, рядом с Алёной. УАЗ деловито скрипит внутренностями, бодро стартует, набирает скорость, покачивает меня, трясёт, снова покачивает, трясёт...

Водоворотик из джина в высоком стакане – бряц-бряц о край горлышком... лимончик, огурчик... барная стойка отполирована до блеска, салфетка приятно хрустит...

– Сём, организуй ещё пару стаканчиков. И пожевать чего-нибудь.

– Легко, МихСаныч. Празднуете?

– Не, душевно страдаю. В последнее время меня слишком часто посылают на хер.

– Перемелется, МихСаныч. Всё пучком будет.

– Ага. Главное, чтоб этот пучок нам всем в брюшину не воткнули... о, хорошо пошёл... ещё один, Сём. И рюмку водочки, с огурчиком, на посошок.

– Готово. Поздно уже, МихСаныч, полночь. Вам такси вызвать?

– Не кипишуй, сам доберусь. Заодно проветр...

Тяжёлый гул продавливает барабанные перепонки, сжимает воздух, вырывает из петель тяжёлые дубовые двери... стакан, рюмка, стойка, салфетка, улыбочивый бармен Сёма рассыпаются блестящими стёклышками, кружатся калейдоскопом... водоворотиком... бряц-бряц о край горлышком...

Вскидываюсь – всё-таки уснул, а! Уснул! Стареешь, Миша.

УАЗик ещё бухтит, сидение подо мной вздрагивает, все двери нараспашку. Вокруг темно, только впереди белый круг света от одинокого фонаря.

– Пойдём, – Алёна выходит из темноты в круг света и предупреждает. – Люди пока не желают с тобой знакомиться, я... мы с Патти как бы в самоволку ходили, поэтому...

– Нормуль, – хмыкаю, выбираясь из буханки. – На хлеб-соль с кокошниками я и не рассчитывал.

Алёна хмурится. Возле её правого плеча тихо появляется уже знакомый мне ПАТ, чуть в отдалении – другой ПАТ, незнакомый, помельче. Оба смотрят на меня задумчиво. Буханка за спиной умолкает. Медленно оборачиваюсь и вижу торчащее из-за водительского, как из окопа, оружейное дуло.

Угу. Вздыхаю и сразу, на берегу, информирую дуло:

– Оружие и шмотки не отдам. Всё, что моё, при мне и останется.

Дуло тихо чертыхается. Стоим все, молчим, не дёргаемся. Улыбаюсь – пат с ПАТами. Глаза потихоньку привыкают к темноте. Я слышу, как шумят где-то впереди высокие деревья. Вижу вокруг очертания заборов, зданий... видимо, небольшой посёлок или деревенька. Турбаза, может быть. Окна тёмные – все затаились и наблюдают.

Алёна кусает губы. Дуло у меня за спиной презрительно фыркает и по-молодецки, с гонорком, вопрошает:

– Посвежее-то никого в наличии не было? Нахрена ты это говно мамонта приволокла?

– Действительно! – укоризненно гляжу на Алёну. – Нахрена? Говна-то у вас и своего хватает, – вежливо приглашаю. – Выходи, кукарекалка. Побеседуем.

Кукарекалка выходит, но сперва я, конечно, вижу ружьё. Хорошее такое, справное. Моссберг. И держит его кукарекалка – белобрысый юнош – очень даже уверенно, да и сам не тушуетя – двигается плавно, близко не подходит, в глаза смотрит спокойно, холодно.

Алёна тут же меняет тактику – делает жалобную мордочку и тянет:

– Ну, Па-а-аш...

Юнош смотрит на неё исподлобья, затем переводит взгляд на крупного ПАТа и говорит обоим:

– *Никогда* больше так не делайте.

Получается убедительно. Алёна и ПАТ вразнобой кивают. Юнош опускает ружьё, передаёт его мелкому ПАТу, подходит ко мне и протягивает руку:

– Павел.

– Михаил Александрович, – пожимаю руку, озираюсь и со смешком предлагаю. – Пусть эти твои покажутся. Всё равно я их чую – резиной за версту несёт.

Паша раздражённо тянет носом воздух и рявкает в окружающую нас темноту:

– Сказал же – по домам сидеть! Чего припёрлись?!

Темнота на мгновение замирает, а потом вспыхивает множеством разноцветных огней, неоновых лент, цепочек диодов, фотоэлементами всевозможных форм и размеров... Я, Паша, Алёна, ПАТы, фонарь, буханка – мы все оказываемся в широком плотном кольце, будто из спутанных новогодних гирлянд. Роботы – высокие, низкие и совсем коротыши, в одежде и без, матово-белые, синие, стальные, жёлтые, розовые, как феи с крылышками, в орнаментах, раскрашенные яркими мелкими и блёсткам – целое роботянское племя. Сколько их? Сотня? Две?.. Миленько – около двух сотен разумных существ (которые любят упаковывать человека в коробочки) стоят, смотрят на меня, шебуршат, лампочками перемаргиваются, хихикают – общаются, угу. Кости мне перемывают. Пока что метафорически, но... хорошо, что я не особо впечатлительный, а то вместе с коленом пришлось бы ещё и инфарктик лечить.

Смотрю на сердитого Пашу, констатитую:

– Да ты у нас прям вождь краснокожих. Чингачгук, бля, Большой Змей.

Паша неприветливо бурчит:

– Будем считать, что ты у нас в гостях. Надеюсь, будешь вести себя соответственно по отношению к людям и роботам, иначе...

Алёна вздыхает и сглаживает диалог:

– Людей у нас пока мало, да, напряжёнка, но когда-нибудь... когда-нибудь... эм-м-м, пойдём, нужно осмотреть твоё колено.

Она щёлкает маленьким фонариком, ведёт меня через мерцающее роботянское сообщество, по деревянному настилу, мимо высоких сосен, по узкому переулку, вдоль каменных изгородей... по пути я оглядываюсь – сзади снова полнейшая темнота, даже одинокий фонарь больше не светит, но слышатся шаги и тихое пиликанье – один из ПАТов неторопливо идёт за нами. Это хорошо. Это правильно. Ковыляю, принохиваюсь, щурюсь.

Алёна приводит меня к большому, двухэтажному дому. Примечаю табличку – «Фельдшерско-акушерский пункт». Ага. Всё-таки медик.

Входная дверь не заперта, мы просто заходим. Алёна включает свет.

Небольшая приёмная, узкий коридор с белыми дверями, яркие половички, ставни, плотные рулонные шторы, жир-

ный серый кот и маленькая белая роботакса на тонких ножках – для внутреннего наблюдения самое оно.

Алёна развивает бурную деятельность – заталкивает меня в один из кабинетов, закрывает дверь, отбирает сумку и ботинки, куртку с ТТ убирает в шкаф, укладывает меня на кушетку, убегает за ширму, возвращается вкусно пахнущая чем-то спиртосодержащим, в халате и перчатках, задирает мне штанину, трогает колено, осматривает, надавливает, гладит, щупает, притаскивает аппаратик с экранчиком, мажет сустав гелем, снова гладит, щупает, надавливает, натирает какой-то мазью, заматывает эластичным бинтом, сосредоточенно кивает, одним движением снимает перчатки...

Почти не больно, даже приятно, тихо и тепло, но спать не хочется. Хочется наблюдать, анализировать, трепаться, ёрничать, быть смешным и добреньким. Приподнимаюсь, сажусь, вытягивая ногу, проникновенно смотрю на Алёну Сергеевну снизу вверх, целую её ручку, томно мурлычу:

– Алё-о-он...

– Спирта не дам! – как по живому отрезает она и с суровым видом уходит за ширму.

Тягостно вздыхаю. Сообщаю в сторону ширмы:

– Два года сегодня. Помянем?

Алёна молчит, но недолго – шуршит чем-то, бряцает, выходит уже с полной мензуркой и двумя чашками, суёт мне одну, разливает по чуть-чуть, говорит:

– Родителей давно нет. Муж... объелся груш ещё до все-

го этого, – она быстро опрокидывает свою порцию и сипло спрашивает: – А ты? Тебе есть кого?

– Ага, – киваю, – одного смешного шкета – бармена Сёмку.

Замахиваем ещё по одной, пустая тара отправляется на стол. Порозовевшая Алёна садится рядом. За дверью скребутся жирный кот и роботакса – нервничают, что хозяйка наедине со мной. Мне тепло, уютно и не больно. Поживу ещё.

Алёна чего-то там опять себе в голове надумывает, кладёт подбородок мне на плечо, делает жалобную мордочку и тянет:

– Ми-и-иш...

Начина-а-ается. Подъём с поворотом.

– Миш, – Алёна покусывает губу. – Ты... у нас много роботов, да, но мы живём вместе, понимаешь? Сотрудничаем, заботимся, выручаем друг друга...

– Нет, – смотрю на неё. – Нет никаких «друг» и «друга», курочка моя. Их уже перемкнуло однажды. Вот тогда роботы как раз и сработали очень дружно, слаженно. Видимо, был приказ Сервера, обязательный к исполнению алгоритм. Будет ли ещё один, подобный? Перемкнёт ли их снова? Понятия не имею. Вы все здесь, как на пороховой бочке.

Горько усмехнувшись, Алёна придвигается ещё ближе ко мне и шепчет горячо, отчаянно:

– На пороховой бочке? А с людьми разве не так же? Не так же? Перестань. Никогда не знаешь, чего ожидать, даже от са-

мого близкого человека. Обидное слово? Упрёк? Предательство? Тычок? Удар наотмашь за пятиминутное опоздание? Гадкое «шлюха!» в лицо... за... за купленное для него же платье? С некоторыми людьми бывает ещё хуже, чем с роботами. Роботы хотя бы упаковывают быстро, а люди... люди годами, десятилетиями засовывают других людей в коробки, давят, выламывают, чтоб было соответственно по форме... размерам... и ожиданиям. Ты... ты останешься с нами? Со мной?

Она опять смотрит доверчиво. Умоляюще. И с огромной надеждой. Как будто я могу заново отстроить для неё весь мир. М-да, сегодня день сюрпризов и непоняток. Хотя... почему непоняток? Всё очень даже понятно. Говорю Алёне:

– Я останусь, но ты разочаруешься. Скоро. А потом мы с тобой будем просто сотрудничать, заботиться и выручать друг друга.

– Да! – улыбается Алёна, подскакивает, убегает за ширму, чем-то там гремит и радостно щебечет. – Да, я помню! Ты не смешной и не добренький! Ты злой и страшный серый волк, ты в поросятах, то есть, в людях, знаешь толк, а я – глупая самонадеянная птаха! Я помню! Я тебе компресс наложила, бинт. Колоть анестетик будем с завтрашнего дня, сегодня уже нежелательно.

Итить... помнит про уколы, не забыла. В голове опять разворачивается весь матерный запас. Я всё же делаю слабую попытку отбрехаться:

– Слушай, а может, это... через рот как-нибудь? Таблеточку там, микстурку? Смилуйте, госпожа доктор!

– Я – фельдшер! – воодушевлённо поправляет меня Алёна, высовывается из-за ширмы и подмигивает. – Завтра, Михаил Александрович, всё завтра. А сегодня я буду тебя кормить. И с питомцами знакомить – Мусей и Тарзаном. Минутку, я тут всё уберу и пойдём... сейчас... сейчас...

Встаю, открываю дверь, и в ноги мне практически падает изнемогающая без внимания домашняя живность. Жирный кот окидывает меня презрительным взглядом и удаляется к хозяйке за ширму, нервно дёргая спиной. Роботакса же обнюхивает мою ногу и робко, неуверенно помахивает хвостиком. Прищуриваюсь на таксу и спрашиваю у неё:

– Муся?

Такса подпрыгивает, восторженно пиликает и начинает носиться вокруг меня кругами. Кот из-за ширмы смотрит на неё с отвращением. Алёна сияет улыбкой.

Вздыхаю – попадос, Миша. Роботы и люди. Роботы и роботы. Люди и люди. Ладно, попробуем. Оценим обстановку и попробуем. Попробуем «сообща». Или... попробуем хотя бы не поубивать друг друга. «Алиса в стране чудес», чтоб их... белый кролик...

Попробуем. Сделаем всё, что сможем.

В оформлении обложки использована иллюстрация автора под названием «В пути».